

Н. И. ХРАПУНОВ

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ В СОЧИНЕНИИ БАЛЬТАЗАРА ФОН КАМПЕНГАУЗЕНА

В статье анализируются сведения о Крыме, собранные Пирсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, немцем по происхождению, состоявшим на русской службе, который в своих мемуарах описал некоторые стороны жизни юга России и Молдавии в конце XVIII в.

Дворянский род Кампенгаузенов происходил из Голландии, откуда они впоследствии перебрались в немецкий Любек. Около середины XVII в. один из Кампенгаузенов, Герман, переселился в Швецию. Его внук, Иоанн-Бальтазар (1689–1758) в 1711 г. перешел на службу в российскую армию. Впоследствии он получил звание генерал-аншефа, а в 1744 г. Шведское королевство даровало ему баронский титул. Потомки его занимали ответственные должности в российской армии и администрации. Многим русским Кампенгаузенам был не чужд интерес к литературным занятиям и географическим наблюдениям. Писателем был уже упоминавшийся Иоанн-Бальтазар фон Кампенгаузен, а его потомок, Бальтазар Бальтазарович (1772–1823), дослужившийся при Александре I до титула тайного советника и должности министра внутренних дел (1823 г.), прославившийся как борец с коррупцией и казнокрадством, помимо всего прочего, составил описание некоторых российских провинций [1, с. 215].

Один из представителей русской ветви Кампенгаузенов, Пирс-Бальтазар (1746–1808), состоял секретарем для иностранной переписки при Г. А. Потёмкине, был вице-губернатором Ливонии, писал по-немецки стихи и драму [1, с. 215], а незадолго до смерти, в 1807 г. выпустил книгу, озаглавленную *«Наблюдения о России, в особенности о некоторых провинциях этой империи и её естественной истории, с краткой историей запорожских казаков, Бессарабии, Молдавии и Крыма»* [2]. На титульном листе автор был назван *«кавалерии майором на службе его императорского величества, членом нескольких академий и учёных обществ»*. В этом сочинении несколько страниц посвящено Крыму.

Заметки фон Кампенгаузена о полуострове можно назвать краткими и несистематическими, однако это одно из первых описаний Крыма после его

присоединения к России. Данное сочинение практически не известно в историографии, хотя содержит ряд интересных исторических и этнографических сведений. Важно оно и с точки зрения изучения «воображаемой географии», то есть того, как европейцы представляли себе (придуманной ими) Восток и, в частности, Крым, стереотипов восприятия, возникавших у них образов, способов понимания и описания отдаленных регионов [краткий обзор современной литературы см.: 3, с. 43-62]. «Наблюдения» фон Кампенгаузена следует анализировать в контексте других путевых записок (травелогов), опубликованных иностранцами, поскольку они формируют общую традицию описания полуострова, впоследствии повлиявшую и на популярные, и на научные представления о Крыме и его истории. При этом автор иногда полемизирует с сочинениями своих предшественников (а его данные и оценки могут не совпадать со сказанным в работах его последователей), излагает оригинальные сведения или их интерпретацию. Таким образом, сопоставление с параллелями в других травелогах позволит отыскать место, которое занимает книга фон Кампенгаузена в ряду описаний Крыма.

В отличие от нынешних исследователей, современники фон Кампенгаузена быстро оценили информативность его работы. Уже через год после первого издания в Лондоне выходит его английский перевод, название которого превратилось в «*Путешествие по нескольким провинциям Российской империи, с историческими сведениями о запорожских казаках, а также о Бессарабии, Молдавии, Валахии и Крыме*» [4]. Перевод этот на удивление точный, правда, в английском издании опущен значительный фрагмент текста из первой части сочинения фона Кампенгаузена, посвященной географии империи, а именно рассуждения о водной системе и полезных ископаемых России, этническом составе ее населения и административно-территориальном устройстве в 1797 г. [ср.: 2, S. 17-40]. Видимо, английскому издателю они показались не относящимися к основному содержанию сочинения [ср.: 4, р. 13]. Вскоре появляется сокращенный русский перевод, также выполненный по немецкому изданию [5], а потом и польская версия. Последняя представляет собой сильно сокращенный перевод записок фон Кампенгаузена (без указания на переводимое издание), где опущены целые фрагменты текста, например, вводная часть о географии России, сообщения о Белоруссии, о русских раскольниках и пр. Иногда переводчик начинает пересказывать краткое содержание работы фон Кампенгаузена, причем об авторе говорит в третьем лице [6; ср. с оригиналом: 2, S. 43-107, 113-145].

Определить место сочинения фон Кампенгаузена среди трудов других путешественников конца XVIII – начала XIX вв. будет непросто¹. Это не энциклопедическое описание, как, например, труды П.-С. Палласа [8] или Ж. Рёйи [9]; не рассказ о путешествии, основанный на записях в дорожном дневнике, как у

¹ О некоторых проблемах классификации травелогов см.: [7, с. 516 сл.].

Р. Хебера [10, р. 40-303; об этом сочинении: 11, с. 645-655] или Дж. Уэбстера [12; 13; о нем: 14]; не подборка писем, как у императора Иосифа II [15] или Ш.-Ж. де Линя [16, р. 37-92]; не беллетризированное сочинение в стиле М. Гатри [17] или Э. Хоецкого [18; об этих записках см. также: 7]. В определенной степени, оно соединяет в себе черты первой и второй группы источников, обладая вместе с тем некоторым своеобразием. Автор ставит перед собой задачу описать некоторые провинции России, которые мало известны европейцам и даже подданным самой империи. Материалы для этого он собрал в течение многих лет жизни в России [2, S. iii; 4, р. iii].

Книга состоит из двух частей. В первой описываются география и этнография империи в целом [2, S. 3-40]. Это вводная часть, сообщающая об общем положении России, как бы подготавливающая читателя к основному сочинению. Значительно более подробна вторая часть, представляющая собой описание городов и провинций северной, западной и южной России, современных Белоруссии, Украины и Крыма, Молдавии, Бессарабии и Валахии [2, S. 41-199; 4, р. 13-134]. Фон Кампенгаузен собрал довольно много разнообразных, но неравнозначных сведений, соединив их иногда без всякой системы. Он рассказывает о природных условиях и истории описываемых районов, населенных пунктах, жителях и их занятиях, особенностях государственного управления, о русских раскольниках и запорожских казаках. Особое внимание уделяется Дунайским княжествам, а также татарам и туркам и взаимоотношениям с Османской империей. Завершается раздел рассказом о путешествии автора по Молдавии и Валахии. Здесь же приводятся исторический очерк Нижнего Подунавья, начиная с римского времени, рассказ о природе тех мест, по которым проезжал фон Кампенгаузен, хозяйстве, быте и нраве тамошних жителей, об их финансовых обязательствах перед султанской казной, о монетном обращении, а также о бюджете Оттоманской порты.

О некоторой небрежности записок фон Кампенгаузена говорит следующий факт: хотя Салгир он числит среди крымских рек [2, S. 7, 13; 4, р. 7, 11], в одном из отрывков тот вдруг оказывается горой [2, S. 106 und F.*; 4, р. 51]. Видимо, здесь автор попросту спутал Салгир с Чатырдагом. Написание топонимов и слов иноязычного происхождения своеобразно – например: *Baktichisarai* (Бахчисарай) или *Tschifut Kaltschsy* (Чуфут-Кале) [2, S. 108]. Забегая вперед, скажу, что оно отличается и от того, что встречается у предшественников фон Кампенгаузена. Ясно, что он записывал со слуха, иногда через некоторое время после беседы с носителем информации, так что топонимы и вообще слова иноязычного происхождения причудливо искажались.

По словам фон Кампенгаузена, в основе второй части его сочинения лежат дневниковые записи [2, S. 39]. Вероятно, именно поэтому она построена как перечисление местностей и городов, расположенных, очевидно, следуя за его маршрутом. Для каждого пункта приводятся разные собранные автором сведения,

имеющие к нему некоторое отношение. В результате информация, характеризующая отдельные города, народы или явления не образует единых блоков, но оказывается в разных отрывках сочинения. Так, данные о Крыме и его жителях нередко вплетены в рассказы о других регионах². Нужно сказать, что авторские описания Крыма прекрасно иллюстрируют «творческий метод» фон Кампенгаузена, использованный и при рассказах о других местах.

Ссылаясь на свой опыт жизни в России, фон Кампенгаузен заявляет, что станет излагать либо виденное своими глазами, либо извлеченное из надежных источников [2, S. iii]. Помимо этого, он называет имена двух предшественников, сочинениями которых пользовался при описании Крыма – это немецкий ученый-энциклопедист П.-С. Паллас и М. Гатри [2, S. 100; 4, p. 47; см.: 8; 17]. Труд Палласа получил у фон Кампенгаузена заслуженно высокую оценку: по его словам, Крым *«настолько тщательно описан профессором Палласом, что я отсылаю своего читателя к работе этого прославленного натуралиста»*. Но совсем другие слова он нашел для «Путешествий» Гатри.

Как сейчас кажется, это сочинение, по всей вероятности, представляет собой эпистолярный роман, сочиненный мужем мадам Гатри, в Крыму никогда не бывавшим, возможно, на основе подлинных писем супруги [подробнее см.: 19, с. 604-605; 20, с. 595]. Фон Кампенгаузен этого не знал, однако о сочинении Гатри сказал, что оно *«написано в развлекательном стиле, но оно ни в коем случае не верно; воспользуюсь же правом сделать несколько комментариев ко многим её наблюдениям. Не собираюсь намекать на то, что она умышленно исказила факты; но всё то, что романтично, имеет особое очарование в женских глазах; тогда как я, будучи старым кавалерийским офицером, надо полагать, буду менее восприимчив к иллюзорным явлениям...»* [4, p. 47; 2, S. 100]. Не всегда делая отсылку к сочинению Гатри, фон Кампенгаузен иногда повторяет ее описания (сюжеты с Чуфут-Кале и Севастополем), иногда дискутирует с ними (в рассказах о каримах и о Байдарской долине), иногда приводит дополнительные уточняющие сведения (о количестве железных колец, находимых в крымских горах, или же о названии железных скобелей, которыми в Карасубазаре очищают кожи) [2, S. 108-111; 4, p. 51-53; ср.: 17, p. 83, 91-92, 116-118, 202-203].

Декларируя отказ от романтического взгляда на Крым, фон Кампенгаузен тем самым отказывается и от традиционного способа описания полуострова. Богатая природа, экзотический облик жителей, памятники древней истории Крыма, как правило, пробуждали у путешествующих европейцев восторженные мечтания, в их фантазиях действительность причудливо смешивалась с фантазией, а воображение рисовало сюжеты, представлявшие их самих героями не то арабских сказок, не то авантурных романов [подробнее см.: 21, с. 209-216;

²Ряд известий о крымских татарах оказались среди описаний Подунавья. Потому они оказываются вне рамок данной статьи, посвященной Крыму как региону.

22, р. 14-21]. Отвергая общую тенденцию, фон Кампенгаузен как бы надевает очки скептика-рационалиста. Примером ему, вероятно, служил Паллас. И хотя ни как научный труд, ни как просто подборка сведений о Крыме его «Наблюдения» не выдерживают никакого сравнения с «Наблюдениями» Палласа, отстраненность и попытку придать своему труду оттенок «научности» отметить стоит.

Как уже говорилось, фон Кампенгаузен начинает с географических описаний. В первой части его труда кратко охарактеризованы горы, реки и равнины Крыма. Фон Кампенгаузен делит Российскую империю на четыре климатические зоны, последнюю из которых составляет Крым. Ее характеризует наиболее приятный для человека климат, сочетающийся с исключительно плодородными почвами, к тому же отлично приспособленными для пастбищ [2, S. 5-7, 11, 13; 4, р. 6-7, 9-11]. В дальнейшем автор иногда возвращается к природным особенностям Крыма, например, отмечая удобство его юго-западного и южного побережья для устройства портов, торговли и земледелия [2, S. 108-110; 4, р. 52-53].

Географические описания показывают метод, использованный фон Кампенгаузен: с одной стороны, это зависимость от традиции и сочинений предшественников, с другой – критическое к ним отношение «старого кавалериста». Рассказывая о горном Крыме, автор, в частности, отмечает: *«Овальная Байдарская долина, длина которой около двадцати шести вёрст, где произрастают в большом изобилии плодовые деревья и благоуханные растения, весьма поэтически описана в “Путешествиях” Гатри; но своим пленительным обликом она во многом обязана бесплодию окружающей страны и ни в коей мере не заслуживает сравнения с долинами Швейцарии в кантонах Гларус, Цуг, Швиц, Унтервальден и пр. Жители её ведут счастливую пасторальную жизнь и настолько безразличны в отношении ко всему прочему миру, что многие из них никогда не пересекали горы, которые окружают их родную долину. Какие-то древние развалины, которые находятся в Байдаре, придают ему живописный вид»* [4, р. 52; 2, S. 109]. Здесь автор полемизирует с соответствующим отрывком из «Путешествия» Гатри [17, р. 116-118]. Фон Кампенгаузену присущи ирония и скепсис, но, с другой стороны, в его записках возникают образы, свойственные многим путешественникам.

Этот же отрывок позволяет обратиться к другому аспекту, принципиально важному как для изучения травелогов, так и для понимания роли Крыма в сознании европейцев конца XVIII – начала XIX в. в целом. Многие путешественники, оказавшись в Крыму, считали, что попали в райские кущи, которые описывали самыми разными словами, зачастую смешивая представления о восточной неге, основанные на «Тысяче и одной ночи»³, с мотивами библейского Эдема, и не сдерживали буйства фантазии. Широко известны, например, восторженные письма из Крыма бельгийского авантюриста герцога Ш.-Ж. де Линя, сопровождавшего Екатерину II на юг в 1787 г. [16, р. 51-83]. Он был не одинок в своих

³ О восточных сюжетах в европейской литературе XVIII в. см.: [23, с. 296-299].

мечтаниях – пейзажи крымских гор и южного берега очаровали и других спутников императрицы. По словам графа Людольфа, сына посла короля Неаполитанского в Стамбуле, в Байдарской долине было «*всё, что только есть в природе прекраснейшего*» [24, с. 194]. Состоявший на русской службе герцог К.-Г. Нассау-Зиген, к слову сказать, ездивший по южному берегу в компании де Линя, писал о том, что рощи фруктовых деревьев напоминают ему «сады Эдема» [25, р. 169; 26, с. 297]. Эти «райские» видения оказались удивительно стойкими. Через двадцать лет с изгнанием из рая сравнивал отъезд из Крыма британский путешественник Реджинальд Хебер (1806 г.) [10, р. 261], которому впоследствии будет вторить другой британец – Джеймс Уэбстер (1827 г.) [12, р. 98]. Автор записок Гатри, кем бы он (или она) ни был(а), также не избежал соблазна наделить Крым чертами парадиза.

Иное дело – фон Кампенгаузен. Верный своим принципам, он и в этом случае предпочитает искать рациональные мотивы, в частности, считая «крымский рай» иллюзией, продуктом того непроизвольного восторга, что охватывал путешественника, оказавшегося в субтропиках после длительного и тяжелого путешествия по пустынной степи. Стоит отметить, что и на Палласа, труд которого, как уже говорилось, фон Кампенгаузен ценил очень высоко, Байдарская долина не произвела такого сильного впечатления, как на других путешественников [8, с. 69].

Сравнение Крымского полуострова с раем земным стало важным элементом политической идеологии Екатерины и Потёмкина. Многозначность темы сада позволяла использовать самые разные символические ассоциации. Она могла служить оправданием завоевания полуострова, показывать историческую миссию России, сравнивать труды Екатерины II с деяниями Петра I, объяснять принципы, на которых покоилась власть императрицы и пр. [27, с. 113-120; 28, р. 1-23]. Не случайно еще до аннексии Крыма, уговаривая Екатерину присоединить полуостров к своим владениям, Потёмкин писал: «*Естьли твоя держава – кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления*» [29, с. 155]. Здесь под «Таврическим Херсоном» понимается именно Крым. Не исключено, что некоторые путешественники могли попасть под воздействие имперской пропаганды, а еще вероятнее – тех тем, которые под ее влиянием стали популярными в обществе. Тем удивительнее поразительное равнодушие к ним фон Кампенгаузена, много лет находившегося на русской службе.

Наблюдая за природой, фон Кампенгаузен пришел к парадоксальному выводу: завоевания и экспансия изменяют, как мы бы сейчас сказали, экосистему, и вслед за новыми хозяевами появляются новые виды животных. «*Можно заметить, что переселение кочевых варварских племён почти всегда сопровождается переселением животных, особенно хищников; в частности, шакала можно обнаружить лишь в тех странах Европы, где жили монголо-татары*». Татары же,

покорив Молдавию, привезли туда из Крыма «крупную голубую кошку», окрас которой с возрастом темнеет [4, р. 104; 2, S. 158]. Самое же неаппетитное животное появилось в Северном Причерноморье в результате российской экспансии. *«Завоевание Крыма и порождённая им торговля наводнила эту страну полевыми крысами невероятного размера, численность которых растёт так быстро, что избавиться от них будет сложно»* [4, р. 42; 2, S. 91].

Для многих европейцев отличительной особенностью Востока были жившие там насекомые, контакты с которыми не сулили ничего хорошего. Примером тому является Э.Д. Кларк, не только подробно описавший виденных им саранчу, тарантулов, фаланг и прочих, но даже поместивший их изображения на виньетке в одном из изданий своих «Путешествий» [30, р. 133-137, 196-198]. Подробно остановился на этом вопросе и фон Кампенгаузен, причем все описанные им насекомые – вредные и неприятные с виду; тем самым автор в очередной раз развеивает излишний налет романтики в «крымских письмах» Гатри.

Бичом юга России и Крыма, в частности, были регулярные нашествия саранчи. Их губительность была такова, что фон Кампенгаузен сравнивает этих насекомых с чумой. Раз в два года саранча прилетает из Египта транзитом через Анатолию и опустошает южнорусские степи. Тучи насекомых заслоняют солнце, и на землю опускаются сумерки. Они уничтожают всю растительность, попадающуюся им на пути, оставляя за собой голую землю, покрытую пометом и трупами погибших насекомых. Саранча – это восточная напасть, и потому западные средства против нее бессильны. *«Двадцать второго августа 1791 года такое облако пролетало мимо места, где мы стояли лагерем с подразделением российской армии. Узнав об их приближении, я приказал войскам стрелять в тот момент, когда они окажутся на расстоянии выстрела. Это было сделано, но, несмотря на гибель тысяч насекомых, я не заметил, чтобы пролетавшее мимо облако хоть немного уменьшилось»* [4, р. 45; 2, S. 97].

Природа, породившая саранчу, предусмотрительно создала и силы, которые ограничивают ее распространение. *«Её разрушительную силу до определённой степени уменьшают два обстоятельства: первое – это значительное число морских ласточек, по-русски “стрижей”, которые пожирают множество <насекомых> по дороге; второе – природный инстинкт, который настолько озлобляет их друг против друга, что миллионы сражающихся падают мёртвыми на землю, а живые сосут их кровь и плоть, пока не останется лишь кожа да кости»* [4, р. 45; 2, S. 97]. О каких-то черных птицах, пожирающих саранчу, то ли о дроздах, то ли о скворцах, говорят и другие путешественники, в частности, Уэбстер, и анонимная британка, прожившая девять лет в Крыму в середине XIX в. Любопытно, что магические действия, призванные истребить саранчу, совершали дервиши и муллы. С помощью волшебной воды они призывали черных птиц, которые пожирали насекомых без остатка [12, р. 93-94; 31, р. 139-140; 14, с. 91-92]. Экзотическое восточное бедствие требовало экзотической восточной магии.

При всей отвратительности и вредоносности саранчи, местные жители умудряются извлекать из нее некоторую пользу. *«Татары жарят её и едят; однажды, соблазнённый любопытством, я отведал приготовленное из неё блюдо и обнаружил, что на вкус она напоминает жареные каштаны»* [4, р. 46; 2, S. 98].

В Крыму встречаются и другие неприятные твари. Например – сколопендра, укусы которой *«так же ядовиты, как и укусы тарантула, и татары всегда берут с собой немного горючего материала, чтобы прижигать укушенный орган»* [4, р. 41; 2, S. 90]. В море у крымских берегов живет корабельный червь, разрушающий днища судов. Впрочем, по мнению фон Кампенгаузена, наносимый им ущерб обычно преувеличивают [4, р. 52; 2, S. 108-109]. Это сообщение противоречит тому, что говорят другие путешественники. Так, по словам Палласа, корабельный червь проедает судовую обшивку менее чем за два года. Единственный способ уберечь ее – периодически окуривать днища судов дымом можжевельника и обмазывать их смолой, в результате чего в окрестностях Севастополя пригодное на топливо дерево было в страшном дефиците [8, с. 38-39].

Фон Кампенгаузен называет следующие занятия жителей Крыма – земледелие, в том числе производство зерна и садовых культур, виноделие, скотоводство, выделка кож, добыча соли, торговля, в том числе транзитная. Источником богатства степной части Крыма была соль. Ее добывают из пересыхающих летом соленых озер самым примитивным образом: *«если бы милосердная природа сама не подготовила этот минерал для использования, не имеющие ни топлива, ни инструментов, ни усердия татары были бы неспособны получать какую-либо выгоду от её щедрости»* [4, р. 51; 2, S. 107]. Но значение соли этим не исчерпывалось. По мнению путешественника, именно соли обязаны крымские почвы своим плодородием. *«Это вещество пронизывает всю почву в этом районе Крыма и производит обильнейший и питательнейший корм для лошадей, дромедаров, рогатого скота и овец. Самые роскошные урожаи зерна выращивают в тех районах, где дождь и горные потоки вымыли излишнюю соль»* [4, р. 51; 2, S. 107].

Выращенный в Крыму скот – «крупный и крепкий», благодаря тому, что кормится на превосходных пастбищах с необычно высокой травой [4, р. 9-10; 2, S. 11]. Шерсть крымских овец значительно превосходит шерсть животных, выращенных в Поднепровье [4, р. 42; 2, S. 92]. Знали в Крыму и курдючных овец, породу, изначально происходившую из Малой Азии [4, р. 43; 2, S. 94].

Фруктовые деревья и ароматические растения разводили в Байдарской долине [4, р. 52; 2, S. 109]. На южном берегу собирали урожаи оливок и инжира, хурмы и фисташек, а также различных технических культур, из которых получали приправы (сумах), ароматическое масло (ладанник), красители (скуппия) и дубильное вещество (земляничное дерево) [4, р. 53; 2, S. 110]. Упоминает путешественник и какое-то крымское растение – его *«едят простые люди, которые считают его очень вкусным»*. Называется же оно «jagel» или «jagliza» [4, S. 94; 2, р. 43].

Несколько слов фон Кампенгаузен сказал о крымском виноделии. По его

мнению, самое лучшее из русских вин производят близ Херсона. Сделанное же в окрестностях Судака вино напомнило ему молодое бургундское [4, р. 29; 2, S. 68]. Видимо, это следует считать похвалой. Однако не всем европейцам крымское вино было по вкусу. Хебер назвал его плохим, «голодным», то есть сделанным из недостаточно сладкого винограда [10, р. 255]. По мнению Палласа, вину вредил чрезмерный полив татарских виноградников [8, с. 169-183]. Зато крымские вина оценил немецкий уроженец И.-К. фон Струве, пивший их в течение нескольких месяцев 1792 г. Судацкое вино он назвал «превосходным», отметив, что *«подобно большинству крымских вин, оно имеет сладкий вкус и, должно быть, чрезвычайно полезно»*. Уезжая из Крыма, фон Струве захватил с собой порядочный запас как сухих, так и «ликёрных» (надо полагать, крепких, десертных) вин [32, р. 35, 46]. Отметим и то, что, по словам фон Кампенгаузена, среди товаров, которые поставлялись в Крым, а отсюда перепродавались далее на север, в губернии материковой России, были греческие вина [4, р. 28; 2, S. 67]. Надо думать, некоторая часть таких вин потреблялась и самими жителями полуострова. Некогда виноградарством занимались греки и армяне, но однажды они были вынуждены покинуть Крым [4, р. 38; 2, S. 84] – очевидно, автор имеет в виду события 1778 г.

Большой интерес у путешественников вызывало кожевенное дело – традиционное занятие жителей Крыма, и фон Кампенгаузен не был исключением, описав его во всех подробностях. Центр кожевенного производства находился в Карасубазаре. Выделка тонкого сафьяна была длительным процессом, включавшим множество операций. Козьи шкуры чистили и скоблили, замачивали в разных водах, периодически мяли ногами, выдерживали в собачьих экскрементах, настое пшеничных отрубей, медовом отваре и соленом растворе. Полученный таким образом сафьян окрашивали в яркие цвета. Желтую кожу получали, окрашивая ее отваром полыни с добавлением квасцов. Красную краску делали из отвара кошенили, корня полыни и квасцов. После окраски кожу валяли ногами в слабом настое листьев дуба, потом полоскали в холодной воде, натирали оливковым маслом и разглаживали с помощью деревянных цилиндров [4, р. 53; 2, S. 110-111]. Нужно сказать, что этот рассказ похож на сообщения Гатри и Палласа [17, р. 202-203; 8, с. 204-205]. Правда, описанные фон Кампенгаузенем технологии несколько отличаются в деталях.

В древности Крым был процветающим торговым центром, *«но турки, закрыв Босфор для народов Европы, полностью уничтожили торговлю Крыма и Причерноморья»* [4, р. 53; cf. р. 51; 2, S. 109-110, 106-107 und F.*]. Впрочем, в другом месте он сообщает о том, что из Крыма на север продавали *«турецкие ткани, кожу, сафьян, сласти, греческие вина и фрукты»*. В обратном направлении поступали деревянные изделия, канаты, деготь, смола, железо. Торговля между Крымом и Белоруссией шла через Кременчуг [2, S. 67; 4, р. 28]. Таким образом, роль полуострова как торгового посредника сохранялась и при российской власти.

Рассказы фон Кампенгаузена о живших в Крыму народах – это по большей части собрание анекдотов, диковинок. Так, татарам свойственна дикая ревность – впрочем, нередко небеспочвенная. «*Крымские татары исключительно склонны к ревности, но это не мешает их жёнам заниматься флиртом – tout comme chez nous*⁴» [4, р. 54; 2, S. 112]. Эту оценку подтверждают слова Хебера: «...в своей ревности татары заходят даже дальше, чем турки» [10, р. 310].

Складывается впечатление, что представление о «татарской ревности» возникло из желания путешественников объяснить восточный обычай, предписывающий женщинам скрываться под покрывалом и жить в особой половине дома. Так, де Людольф именно ревность называет причиной того, что татары строят особые дома для своих жен [24, с. 166]. Возможно, сказались и воспоминания о романтических похождениях героев восточных сказок, которым нередко приходилось пробираться под покровом ночи, в сопровождении лишь проводника – евнуха, на свидание к возлюбленной, ожидавшей под сенью гарема, причем любовники рисковали пасть жертвами необузданной ревности мужа красавицы.

Хотя фон Кампенгаузену и удалось увидеть восточных дам без покрывал, он был разочарован увиденным: «*татарская красота не соответствует тем представлениям о прелести, которые имеются у нас*» [4, р. 54; 2, S. 112]. В другой раз, описывая жителей Молдавии, он категорически заявляет: «*я видел нескольких татарок, и все они были чрезвычайно уродливы*» [2, S. 146; 4, р. 77]. Впрочем, не все путешественники были так скептически в отношении татарских красавиц [например: 15, с. 370; 8, с. 149; 10, р. 263].

Как бы то ни было, экзотический колорит и романтика Крыма побуждали европейцев отправляться на поиск чувственных приключений. Наиболее благоумные и циничные, как, например, испанец С.-Ф. де Миранда, находившийся в Крыму в декабре 1786 и январе 1787 гг., ограничивались посещением борделя с восточными красотками. Одно из таких заведений было устроено в Карасубазаре итальянцем Валентини, причем, по словам де Миранды, «танцовщицы» были весьма искусны в своем ремесле, а цены невелики [33, с. 71]. Другим же хотелось чего-то менее прозаичного. Можно вспомнить историю о том, как сопровождавшие Екатерину II в Крым в 1787 г. французский посол граф Л.-Ф. де Сегюр и уже известный читателю де Линь, истомленные отсутствием женского общества, решили тайно взглянуть на татарских женщин в тот момент, когда те будут умываться под покровом леса. По словам де Сегюра, засада увенчалась удачей, и притаившиеся в кустах друзья увидели, как дамы снимают покрывала. «*Но, увь, какое разочарование! Из них не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сноной. Мой товарищ некстати воскликнул: “Признаюсь, Магомет недурно сделал, что велел им закрываться!”*». Как видим, в этом отношении француз и бельгиец были согласны с фон Кампенгаузеном. Их приключение, начинавшееся как

⁴ Всё как у нас (франц.).

забава, закончилось для наблюдателей хуже, чем они могли ожидать. На крик женщин явились их мужья и едва не побили европейцев камнями. Когда же об этой истории стало известно Екатерине, она прилюдно выбрала озорников, потребовав уважать обычаи страны [34, с. 217-219]. Эта история могла стать для императрицы удобным поводом публично продемонстрировать свою заботу о местном татарском населении – она, по всей видимости, искренне надеялась добиться расположения своих мусульманских подданных, интегрировать их в структуру своей державы, не покушаясь на их лингвистическую, религиозную и культурную «особость» [28, р. 11-13; 35, с. 581-585; 36, р. 71-79].

Выше уже цитировались слова фон Кампенгаузена о том, что жители плодородных долин в крымских горах *«ведут счастливую пасторальную жизнь»*, отличаясь крайним безразличием к окружающему миру [4, р. 52; 2, S. 109]. В другом месте, рассуждая о добыче соли из озер в крымских степях, он также говорит о татарской нерадивости [4, р. 51; 2, S. 107]. Мысль о пасторальной праздности и безынициативности крымских татар, в особенности жителей южного побережья, – своего рода «общее место», присущее целому ряду европейских писателей. Лениность татар восхищала де Линя, получившего в дар от Екатерины II имение в Партените [16, р. 67-68]. Шотландец Уэбстер искал ей рациональное объяснение – богатства природы делают труд излишним. *«Русские возмущаются ленью татар – но почему они должны работать? Они и без того – счастливейшие из крестьян, и, естественно, не желают превращаться в обычных тружеников»* [12, р. 90-91]. Паллас же вообще предлагает выселить недостаточно трудолюбивых татар вглубь страны, заменив их *«искусными поселенцами, принявшимися за культуру вин, масел, хлопка, шелка, в чем государство нашло бы свою выгоду, никогда не могущую получиться от жителя столь мало деятельных как те, о которых мы говорили»* [8, с. 148-149, ср.: с. 115-116, 153, 156]. Не исключено, однако, что в данных филиппиках подразумевалось не столько безделье, сколько нежелание татар воспринимать передовые технологии агрикультуры и заводить интенсивное сельскохозяйственное производство, ориентированное на рыночный сбыт.

Представления о праздности татар были очень живучи, причем о них прекрасно знали и сами крымские жители. В 1803 г. в Крыму побывал француз Ж. Рёйи, вероятно, собиравший разведывательную информацию по заданию Наполеона. Здесь он свел знакомство с человеком по имени Атай-мирза, которого в своих записках называл почтенным главой рода Ширинов. *«Однажды, когда мы прогуливались с ним по его саду, – пишет Рёйи, – он указал мне на количество и красоту деревьев, добавив: “Говорят, что татары не сажают садов: но разве эти вот деревья посадили русские?”»* [9, р. 167, н. I]. Впрочем, не все путешественники недооценивали трудолюбие татар. Так, ознакомившись с состоянием дел в Крыму и рассуждая о татарском характере, Хебер пишет: *«Паллас... много говорил об их лениности. Но их виноградники весьма искусно обрабатываются и*

аккуратно поливаются. И, что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их дома, и одежда, и они сами» [10, р. 263].

Фон Кампенгаузен не мог не рассказать об одном из самых колоритных крымском народе – о караимах. «Возле Бахчисарая имеется древняя крепость, которая называется Чуфут-кале, или Еврейской крепостью, потому что, начиная с VII столетия, её населяют евреи, которых сейчас насчитывается 237 семей» [4, р. 51; 2, S. 108]. Таким образом, автор, вероятно, фиксирует какие-то караимские предания о том, что жили они в этом месте с незапамятных времен. Сведения о численности населения Чуфут-кале вполне достоверны – для сравнения, Паллас говорит о том, что в городе было около 200 домов, в которых жили приблизительно 1200 человек [8, с. 33]. «Крепость окружает стена и дозорные башни. Поскольку она расположена на вершине высокой скалы, её жители не имеют другой воды, кроме той, что собирается от дождя в резервуарах, или которую доставляют наверх на ослах» [4, р. 52; 2, S. 108].

По словам Гатри, крымские караимы являют полную противоположность польским евреям, поскольку они богаты и держат себя и свой город в чистоте – впрочем, последнее может быть следствием дождей, которые регулярно омывают улицы Чуфут-кале [17, р. 83]. Не вполне согласившись с этой оценкой, фон Кампенгаузен вторит Гатри, когда речь заходит о религиозных различиях между караимами и ортодоксальными евреями, а также о вражде между ними: «Эту расу евреев, которую здесь называют *Karay Jaody*, или “чёрными евреями”, ненавидят и презирают все евреи других стран. Они следуют заповедям Торы, а не Талмуду, и обривают головы. Они отвергают толкования раввинов и считают подлинными лишь немногие главы Библии. Татары же к ним терпимы по причине их трудолюбия» [4, р. 51-52; 2, S. 108; ср.: 17, р. 83-84].

Из Крыма происходят евреи и армяне, переселившиеся на территорию нынешней Донецкой области – в район Бахмута (Артёмовска), но когда именно это произошло, автор не уточняет. По его словам, переселение изменило хозяйственный уклад, что хорошо сказалось на благосостоянии этих людей: «Почти все они – скотоводы, и настолько богаты, что у них нет причин сожалеть о покинутых их предками виноградниках» [4, р. 38; 2, S. 84]. Но уменьшение крымского населения пагубно сказалось на сельском хозяйстве – в другом отрывке путешественник жалеет о том, что недостаток населения не позволяет использовать все возможности для продуктивного, интенсивного сельского хозяйства [4, р. 51; 2, S. 107].

Историю Крыма фон Кампенгаузен считает «древней и сказочной» [4, р. 47; 2, S. 100]. Она его не очень интересует, но иногда путешественник ссылается на отдельные эпизоды из крымской древности и связанные с ними диковинки. Так, близ Севастополя в горных скалах имеется «девятнадцать больших железных колец, укрепленных в скалах, которыми раньше пользовались для того, чтобы удерживать корабли на стоянке» – а значит, уровень Черного моря значительно понизился по сравнению с античной эпохой [4, р. 52; 2, S. 109]. Этот сюжет не

раз встречается в сочинениях путешественников и исследователей второй половины XVIII – начала XX вв. [37, р. 103; 17, р. 92; 30, р. 187; 38, с. 107, ср.: с. 42-45; 39, с. 174]. Можно предположить, что такие кольца применялись жителями средневекового Крыма, например, для привязывания животных или фиксации колыбели. По крайней мере, именно так использовали выдолбленные в камне кольцевидные крепления [40, с. 35-36], в некоторые из которых, по словам Г. Караулова, и были вставлены металлические кольца.

Фон Кампенгаузен побывал на каком-то мысу, где, якобы, находился храм богини Дианы (Артемиды), описанный в трагедии античного драматурга Еврипида. Подобно «крымскому Эдему», миф об этом храме и служившей в нем жрице по имени Ифигения играл особую роль в окружении Екатерины [подробнее см.: 21, с. 213-214; 27, с. 111-113; 22, р. 12-14, 23; 41, р. 45]. В частности, он использовался в тонкой идеологической игре, которая должна была сделать русских наследниками греков и тем самым причислить их к числу «европейских» наций. Не столь же искусственным в политике представителям европейского бомонда храм Дианы был интересен как место, где разворачивалось действие популярных в то время литературных и музыкальных произведений, основанных на античной мифологии.

Прибыв туда, фон Кампенгаузен увидел *«несколько разломанных мраморных колонн, капителей и других украшений, и прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву. Эти развалины лежат в запустении, не защищённые от непогоды...»* [4, р. 54; 2, S. 112]. Что это за место, непонятно. Обычно древний храм искали на южном берегу, зачастую – в окрестностях монастыря св. Георгия на мысе Фиолент [подробнее см.: 42]. Описанное фон Кампенгаузенем, по всей вероятности, к реальному античному святилищу отношения не имело. Не случайно многолетний руководитель раскопок в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинич в письме к В. В. Латышеву отнес это известие к числу «бредовых» открытий, сделанных исследователями и путешественниками [43, с. 54]. Искать реальные остатки храма Артемиды в Крыму дело, по всей вероятности, малоперспективное [44, с. 122-129]. Возможно, фон Кампенгаузен видел остатки одной из античных усадеб Херсонеса в южной части современного Гераклеийского полуострова.

Путешественник считал необходимым сказать несколько слов о древней топонимике Крыма. Вероятно, сам факт того, что некоторые города и замки изменили свое название, показался ему достаточно примечательным⁵. Он упоминает

⁵ Об интересе фон Кампенгаузена к топонимике говорит, например, такой факт: рассуждая о торговле в Кременчуге, он замечает, что по-турецки слово *bazar* означает «рынок», причем от него получили названия некоторые города, в том числе – Карасубазар [2, S. 68].

Севастополь, Фуллы – Кырк-Ор, а также Климаты [4, р. 52-53; 2, S. 108, 110]. Впрочем, путаницы избежать не удалось, несмотря даже на то, что фон Кампенгаузен явно опирался на соответствующие фрагменты книги Гатри [17, р. 91, 83, 119]. По его словам, «*Ахтиар, который в настоящее время называется Севастополем (“городом славным”), был самым знаменитым торговым городом в Колхидском царстве*» [4, р. 52; 2, S. 108]. Иначе говоря, Колхида у него переместилась из Восточного Причерноморья в Крым. Фон Кампенгаузена ввели в заблуждения маневры Екатерины, которая в угоду политическим соображениям двигала названия по карте с ловкостью крупье, разбрасывающего карты по игорному столу, в результате чего ряд античных топонимов оказался за сотни километров от своего исторического местоположения [подробнее см.: 45, р. 218-232]. Отметим, что путаницу с античными названиями отлично понимали многие путешественники – не только Гатри, из сочинения которой в данном случае черпал информацию фон Кампенгаузен, но и, например, Кларк, назвавший имя Севастополя применительно к крымскому городу – «вымышленным» [30, р. 198].

Иногда путешественник приводит сведения из истории Крымского ханства, но они довольно бессистемны, понять, по какой причине автор отобрал именно их – вряд ли возможно. С Крымским полуостровом они обычно не связаны. Так, подробно рассказав о молдавском городе Каушаны, бывшем резиденцией крымских ханов, фон Кампенгаузен сообщает следующее: «...хан был обязан жить здесь в течение первых трёх месяцев своего правления. По истечении этих трёх месяцев он был обязан отправиться в Перекоп, и если встречал там представителей племён *Шири* и *Мангыт* <? – *Manhūri*>, которые должны были принять его, то продолжал свой путь до самого Бахчисарая. Если же эти представители отсутствовали, это был знак, что выбор султана не получил одобрения народа, и хан немедленно возвращался в Каушаны, чтобы молить Порту о защите, на что она обычно отвечала согласием. Хан был обязан выбрать себе жену из клана *Ширинов*...» [4, р. 58; 2, S. 119]. Возможно, здесь отразились известия французского дипломата барона Ф. де Тотта о том, как в 1768 г. Крым-Гирей, повторно назначенный в Стамбуле крымским ханом, приказал должностным лицам Крыма прибыть на встречу с ним в Каушаны [37, р. 129 ff.]. В другом месте, рассказывая о молдавском городке Татарбунар, Кампенгаузен сообщает, что в его окрестностях «есть несколько озёр с солёной водой, где на поверхности под действием солнечного тепла формируется *sal marinum*⁶. Получаемый с этой соли доход раньше принадлежал крымскому хану, но был передан измаильскому паше, когда эту страну завоевали русские» [4, р. 80; 2, S. 150].

Интересно, что фон Кампенгаузен ничего не говорит о памятниках христианства в Крыму. Возможно, он попросту не интересовался, например, крещением князя Владимира. Показателен контраст с античной тематикой, которая в его сочинении фигурирует, пусть и не в большом объеме. Здесь могло сказаться

⁶ Морская соль (лат.).

то, что для российской политической идеологии и государственной пропаганды в конце XVIII в. важнее была древняя Греция, чем византийское христианство⁷. Следовательно, эти темы больше обсуждались в обществе, к которому принадлежал фон Кампенгаузен, который к тому же одно время служил при Потёмкине секретарем для иностранной переписки. Показателен пример Херсонеса, значение которого как истока русского православия было быстрее осознано именно европейскими путешественниками [48; 41, р. 49 ff.; 19], а не российским общественным сознанием, несмотря даже на то, что символика древнего города как центра христианства широко использовалась Потёмкиным и его окружением [27, с. 100, 104-106; 47, с. 14 сл.], причем светлейший князь даже посылал в 1783 г. на место древнего Херсонеса некоего Бальдани «для проверки сообщения *Нестора*» об осаде города князем Владимиром [49, р. 304, п. 1]. Очевидно, результат этих усилий оказался невелик.

Тем не менее, некоторые попавшие в сочинение фон Кампенгаузена сюжеты (например, о татарской праздности или о храме Дианы) показывают, что он не избежал влияния тем, широко обсуждавшихся в обществе конца XVIII в., в том числе под влиянием идеологических схем, разрабатываемых Екатериной и ее окружением для утверждения России на международной арене и обоснования ее прав на обладание Крымом. В этой интеллектуальной игре использовались античная мифология, средневековые арабские сказки и современные реалии и выдумки, причудливо перемешиваясь и образуя новые смыслы, образы и интерпретации. В результате фон Кампенгаузен иногда следует распространенным стереотипам (таким, например, как мысль о свойственной крымскому населению праздности), иногда же проявляет самостоятельность мышления (в частности, отбрасывая представление о «райской природе» полуострова). Мы не знаем, насколько эти идеи были ясны читателям фон Кампенгаузена, но определить их является интересной задачей для современного научного исследования. Эkleктизм сознания, характерный для эпохи Просвещения, позволяет фон Кампенгаузену смешивать, в рамках описаний того или иного пункта, порой малосвязанные, на наш нынешний взгляд, вещи. Но именно это, вероятно, позволит историкам и этнографам извлечь из его сочинения некоторые данные о положении Крыма в конце XVIII в.

В записках фон Кампенгаузена еще проступают черты, свойственные позднесредневековым рассказам о диковинках дальних стран. Крым представляется ему страной своеобразной, не лишенной специфического колорита, к которому относятся и необычные жители с особыми нравами и обычаями, традициями и занятиями, и удивительная фауна, и своеобразные исторические памятники. «Наблюдения» фон Кампенгаузена тесно связаны с сочинениями других путешественников-европейцев, иногда дискутируя с ними, иногда используя их данные. Продолжая

⁷ Об античных сюжетах в российской идеологии см.: [27, с. 100-105, 110-113; 46, с. 11-18, 35-51, 59-82, 128-131, 153-156, 165-194; 47, с. 18-20; 22, р. 11-14, 22-23; 45, р. 218-232].

традиции литературы путешествий, фон Кампенгаузен сохраняет ряд тем, которые впоследствии будут использоваться или развиваться иностранцами, оказавшимися в Крыму в первой половине XIX в. Сочинение фон Кампенгаузена – характерный образец того, как путешественник является одновременно исследователем, пытается нанести Крым на карту мира, отыскать ему место в своих представлениях о географии, истории и цивилизации. Разумеется, для этого используются практики эпохи Просвещения, и в этом смысле труд фон Кампенгаузена является хорошим примером того, что в современной науке именуется «воображаемой географией».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Том XIV: Калака-Кардам. СПб., 1895.
2. *Campenhausen B. von.* Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm. Leipzig, 1807.
3. *Громенко С.В.* Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме. Симферополь, 2011.
4. *Campenhausen <P.V. von>.* Travels through several provinces of the Russian empire; with an historical account of the Zaporog Cossacks, and of Bessarabia, Moldavia, Wallachia, and the Crimea. London, 1808.
5. Замечания о Молдавии, Бессарабии, Крыме, Белоруссии и Украине, писанные бароном фон-Кампенгаузенем // Журнал новейших путешествий. 1810. №№ 1, 2.
6. Uwagi nad Mołdawią, Bessarabią, Krymem, Białorosią i Ukrainą. Oddz. 1, 2 / Tłum. E.Brocki // Pamiętnik Lwowski. 1819. Т. II. №№ 11, 12.
7. *Храпунов Н.И.* Рец. на кн.: Ед. Хоецкий. Спогади з подорожі по Криму... Сімферополь, 2008 // Ab Imperio. 2008. № 3.
8. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. С.Л. Белявская, А.Л. Бертье-Делагард. М., 1999.
9. *Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris, 1806.
10. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. I. New York, 1830.
11. *Храпунов Н.И.* Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
12. *Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London, 1830.
13. *Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. II. London, 1830.
14. *Храпунов Н.И.* Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (105).
15. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. I.
16. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève, 1809.
17. *Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802.

18. *Хоецький Е.* Спогади з подорожі по Криму / Пер. О.О.Тищенко-Монастирська. Сімферополь, 2008.
19. *Храпунов Н.И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
20. *Татаринцева Р.И.* Из истории британско-крымских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
21. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
22. *Dickinson S.* Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2002. Vol. 3. No. 1.
23. *Кубачёва В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. 1962. Вып. 5.
24. *Людольф де.* Письма о Крыме // *Русское обозрение.* 1892. Т. 2 (март).
25. *Aragon. A.A. Ch. d'.* Un paladin au XVIIIe siècle: le prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris, 1893.
26. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. // *Русская старина.* 1893. Ноябрь.
27. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
28. *Schönle A.* Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // *Slavic Review.* 2001. Vol. 60. No. 1.
29. Екатерина Вторая и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997.
30. *Clarke E.D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part 1. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817.
31. *The Crimea: Its Towns, Inhabitants, and Social Customs.* London, 1855.
32. *Travels in the Crimea...* London, 1802.
33. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской Империи / Пер. М.С.Альперович. М., 2001.
34. Записки графа Сегюра о его пребывании в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865.
35. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
36. *Fisher A.W.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
37. *Memoirs of baron de Tott...* 2nd ed. Vol. I. Part 2. London, 1786.
38. *Караулов Г.* Крымские пещерные города и крипты // *ЗООИД.* 1872. Т. 8.
39. *Бобринский А.И.* Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
40. *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // *ИТОИАЭ.* 1929. Т. III.
41. *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010.
42. *Храпунов Н.И.* Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // *Климентовский сборник. Материалы V международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента».* Севастополь, 2011.
43. *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007.
44. *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

45. *Unbegaun B.* Les noms des villes russes: la mode grecque // *Revue des études slaves.* 1936. Т. 16. Fasc. 3–4.
46. *Проскурина В.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
47. *Гончарова О.М.* Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. СПб., 2008.
48. *Шаманаев А.В.* Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв. // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.
49. *Sestrenczewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. Т. 1. Brunswick, 1800.

Храпунов Н. И.

**Крымский полуостров после присоединения к России
в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена**

Резюме

В статье анализируются сведения о Крыме, собранные Пирсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, немцем по происхождению, состоявшем на русской службе, который в своих мемуарах описал некоторые стороны жизни юга Восточной Европы в конце XVIII в. Данное сочинение, практически не известное в историографии, включает ряд интересных исторических и этнографических деталей. Помимо этого, оно является характерным образцом того, как путешественник пытается нанести Крым на карту мира, отыскать ему место в своих представлениях о географии, истории и цивилизации.

Храпунов М. I.

**Кримський півострів після приєднання до Росії
у творі Бальтазара фон Кампенгаузена**

Резюме

У статті аналізуються відомості про Крим, зібрані Пирсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, німцем за походженням, що був на російській службі, який у своїх мемуарах описав деякі сторони життя півдня Східної Європи наприкінці XVIII ст. Даний твір, практично невідомий у історіографії, має ряд цікавих історичних і етнографічних деталей. Крім цього, він є характерним зразком того, як мандрівник намагається нанести Крим на карту світу, відшукати йому місце у своїх уявленнях про географію, історію та цивілізацію.

Khrapunov N. I.

**The Crimean Peninsula after the Russian Annexation According
to the Book by Pierce Balthasar von Campenhausen**

Summary

The paper analyses the account of the Crimea provided by Pierce Balthasar von Campenhausen, German by origin, who was in Russian service and described some features of life in the south of Eastern Europe in the late eighteenth century. Although this book is almost not known to researchers, it contains some interesting details concerning history and ethnology. Besides, it is a typical example of traveller's attempt to place the Crimea in the map of the world, to discover its place in his/her own ideas of geography, history, and civilisation.